

бушекъ, что осталось въ моей памяти. Отецъ видѣлъ, что способности мои «быстры» и не торопился. — «Пускай поокрѣпнеть, — лучше!» — говорилъ онъ на совѣты поскорѣе отдать меня въ школу. Дѣйствительно, въ школѣ я оказался гораздо развитѣе большинства своихъ товарищей по классу 8—9-лѣтнихъ «сопляковъ», и несмотря на то, что рѣдко заглядывалъ въ книжку, по отзывамъ начальства, «преуспѣвалъ и въ наукѣ, и въ шалостяхъ». Господи, и что же было мнѣ дѣлать, когда уроки не стоили мнѣ никакого труда? Виновать ли я въ томъ, что родился въ нашемъ маленькомъ погостѣ и Богъ наградилъ меня быстрыми способностями?.. Я хотѣлъ быть «цапнышкой», но, право же, мнѣ нечего было дѣлать!...

Еще дома я прочелъ первый романъ. И въ училищѣ между шалостями романы были моимъ любимымъ чтеніемъ. Впрочемъ, я былъ добросовѣстенъ и съ полнымъ вниманіемъ отнесся къ училищной библиотекѣ. Путешествія, дѣтскіе рассказы, историческіе и бытовые, были мною очень скоро «проглочены», и, должно быть, затѣмъ, чтобы утолить мою жажду, батюшка-библиотекарь сталъ давать мнѣ «Душеполезное чтеніе», «Странникъ», разные «Вѣяны на могилы» приснопамятныхъ особъ преимущественно духовнаго вѣдомства, а я былъ все-таки глупый мальчишъ, несмотря на всю быстроту своихъ способностей, и въ простотѣ души своей думалъ, что эти книги больше годны для катанья на нихъ съ горы отъ училища къ квартирѣ и для дракъ съ товарищами, чѣмъ для моей дѣтской души. Я иногда и за нихъ брался, но отъ этихъ солидныхъ томовъ на меня 11—12-лѣтняго ребенка вѣяло такой сухой и мертвой скучищей, что мое непочтительное отношеніе къ нимъ казалось мнѣ тогда совершенно извинительнымъ...

Опять-таки—что же мнѣ оставалось дѣлать, какъ не искать чтенія на сторонѣ, и виновать ли я, что Парижскія, Берлинскія, Лондонскія и иныя «Тайны», «Монте-Кристо», «Лѣсной Бродяга» и пр. и пр. были тогда мнѣ гораздо интереснѣе, чѣмъ умныя и душеспасительныя книжки, въ которыхъ я однако, на бѣду мою, ничего не понималъ?.. Богъ мой, какой гадости я не перечиталъ за это время!.. Я былъ въ нѣкоторомъ родѣ начальствомъ—авдиторомъ, и всѣ мои «подъавдиторные» были обложены повинностью добывать мнѣ книжки, а я за это самымъ безобиднымъ образомъ аттестовалъ ихъ въ «нотатѣ».

Вотъ въ этихъ-то поискахъ за книжками я познакомился съ Ермолаемъ Ивановичемъ. Это былъ единственный въ нашемъ городишкѣ «часовщикъ» и фотографъ.